

УДК 316.344

DOI: 10.19181/snsp.2026.14.3.3

EDN: SWZJRF

Научная статья

КОНСОЛИДАЦИОННЫЙ И МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

Павел Евгеньевич Сушко

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва, Россия

sushkope@mail.ru,

ORCID 0000-0003-0245-7015

Для цитирования: Сушко П. Е. Консолидационный и мобилизационный потенциалы российского общества в условиях геополитических вызовов // Социологическая наука и социальная практика. 2026. Т. 14, № 3. С. 37–60. DOI 10.19181/snsp.2026.14.3.3. EDN SWZJRF.

Аннотация. В статье на данных мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН анализируется феномен российской сплочённости, концептуализируемый как динамическая система социального равновесия между макрополитической консолидацией и автономией частного жизненного мира. Исследование позволило выявить особенности трансформации массового сознания россиян в условиях масштабных геополитических вызовов, выражающиеся в формировании двухуровневой модели поддержки реализуемого страной курса развития. На макроуровне зафиксирована мировоззренческая консолидация массовых слоёв российского населения на фоне институционализации образа «коллективного Запада» как экзистенциальной угрозы, а также вокруг ценностей суверенитета и цивилизационной самобытности. На микроуровне выявлено расхождение между идейным единством и практической готовностью россиян переориентировать свои усилия на достижение коллективных целей. Разрыв объясняется функционированием массового сознания в условиях затяжной конфронтации и общей внешней нестабильности по принципу «параллельных реальностей», в которых внешнеполитическая повестка и интересы повседневности существуют как обособленные пространства. В таких условиях индивид может демонстрировать символическую и идейную солидарность с обществом и государством, а в прагматическом отношении его действия продиктованы стремлением сохранить автономность собственного микромира. Особое внимание в статье уделено выявлению «красных линий», очерчивающих мобилизационный потенциал российского общества. Показано, что порог готовности к деятельному гражданскому участию пролегает по границе личной безопасности, материальной стабильности семьи и цифровой автономии индивида. Обосновано, что в ситуации долгосрочного противостояния устойчивость общественного консенсуса между обществом и государством зависит от способности социальных институтов обеспечивать баланс между мобилизационными задачами и сохранением привычного уклада жизни граждан. Внутренняя мировоззренческая неоднородность при этом, свойственная в разные годы от одной трети до одной пятой численности россий-

© Сушко П. Е., 2026

ского населения, рассматривается не как фактор риска, а как функциональный механизм социального дистанцирования, обеспечивающий стабильность системы через сохранение приватной сферы.

Ключевые слова: консолидация общества, мобилизационный потенциал, гражданская идентичность, цивилизационный выбор, общественное сознание, мировоззрение россиян, общественный консенсус, социальная сплочённость

Благодарности: статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 25-18-01067).

Введение

Современная Россия находится в эпицентре масштабных геополитических и социокультурных трансформаций, сопровождающихся острой конфронтацией с западными странами. Специальная военная операция (СВО) на Украине выступила катализатором происходящих изменений, став точкой очередного витка кристаллизации различных мировоззренческих установок в массовом сознании россиян. Этот процесс оформления идейных позиций не является принципиально новым феноменом, а носит исторически обусловленный характер. Дихотомия между «самобытностью» и «западничеством» составляет устойчивый каркас российской общественной мысли на протяжении столетий, актуализируясь в периоды внешнеполитических вызовов. В последние десятилетия эти изменения подтверждаются данными мониторинговых опросов Института социологии ФНИСЦ РАН, свидетельствующими о нарастании в российском обществе поляризации между сторонниками самобытного пути развития страны и приверженцами альтернативной западной модели [1; 2; 3].

Начало СВО не просто запустило очередной виток поляризации мнений, но и способствовало оформлению в российском обществе двух качественно отличающихся мировоззренческих позиций относительно того, по какому пути должна развиваться в дальнейшем наша страна [4]. Обращение к данной проблематике логично развивает отечественную традицию изучения трансформаций общественного сознания. В этом отношении проведённое автором исследование теоретически и методически во многом опирается на работы В. В. Петухова, А. Л. Андреева, Ю. В. Латова [5; 6; 7], а также многолетнюю серию монографий «Российское общество и вызовы времени»¹, где подробно анализировались механизмы адаптации граждан к ситуациям неопределённости и внешнего давления через призму социокультурной динамики. Есть также исследования, позволяющие проанализировать соответствие массового сознания задачам мобилизационного развития через призму циклических изменений социального самочувствия россиян, фиксируя переход от шоковых событий

¹ Подробнее об этой серии монографий смотри на официальном сайте ФНИСЦ РАН: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=3076 (дата обращения: 07.05.2026).

к периодам адаптации (см., напр.: [7]). Мы же сфокусируемся на анализе новейшего этапа трансформации общественного сознания, связанного с переходом от первичного шока к рутинизации конфронтации.

На протяжении предыдущих десятилетий подобная мировоззренческая поляризация носила скорее латентный характер, отражая идейную размытость, характерную для постсоветского периода, а в текущих условиях она трансформировалась в самостоятельный структурный фактор, определяющий не только и даже не столько уровень политической лояльности, сколько степень готовности граждан к реальному участию в жизни страны в непростой для неё период [8]. В этом свете отмеченная мировоззренческая гетерогенность представляет собой не просто статистическое распределение мнений, но и ложится в основу фундаментальной проблемы понимания специфики российской сплочённости, выявления её ресурсных ограничений и границ соприкосновения государственных интересов с частным миром индивида. Такая постановка вопроса позволяет соотнести декларативные установки с практическими пределами мобилизации, которые зачастую остаются вне рамок традиционного мониторингового анализа.

Концептуальные рамки анализа консолидации и мобилизации в условиях системных вызовов

В западной политической психологии и социологии сложилась устойчивая традиция количественной оценки реакций общества на системные вызовы через ряд специализированных индексов. К ним относится Шкала военных установок (War Attitudes Scale), выделяющая этические, аффективные и операциональные аспекты поддержки [9; 10]. Используется также Индекс военного времени (Wartime Index), позволяющий отслеживать динамику массового одобрения государственного курса. При этом если классические модели данных шкал связывают уровень поддержки преимущественно с накопленным объёмом издержек [11], то современные их версии показывают, что критическим фактором выступают интенсивность и близость тех или иных потерь в конкретный временной период [12]. Отечественные исследования позволяют анализировать аттитюды к войне через призму её эффективности, моральной оправданности, а также экономических, социальных и гуманитарных последствий происходящего [13]. Однако, несмотря на методологическое разнообразие, данные методы зачастую сосредоточены на символической консолидации и оценках конкретных событий. За рамками их анализа остаются как внутренняя динамика мировоззренческих установок, выступающих важным предиктором готовности к действию, так и смысловое разграничение категорий консолидации и мобилизации, которые часто ошибочно отождествляются в публичном поле. Более того, указанные подходы слабо учитывают автономию «микромира» индивида, который для него в условиях кризиса становится главной экзистенциальной опорой. В этой оптике символическая

консолидация выступает скорее коллективным защитным механизмом, тогда как реальные жизненные стратегии фокусируются на сохранении приватной стабильности.

В связи с этим для анализа трансформаций, происходящих в современном российском обществе, под консолидацией, следуя общепринятой традиции, мы будем понимать состояние мировоззренческого и ценностно-нормативного единства граждан, выражающееся в наличии общих смыслов, солидарности относительно векторов развития страны и признании легитимности существующего курса (т. е. символического и идейного согласия). При определении же мобилизации мы будем опираться на концепцию Ч. Тилли, в соответствии с которой её можно интерпретировать как процесс перехода группы от функционального удержания ресурсов, обеспечивающих устойчивость приватного микромира, к их активному перенаправлению в сферу коллективных интересов [14]. В этой трактовке мобилизация, в отличие от консолидации, связана с практической активностью индивидов и их реальной готовностью инвестировать личные ресурсы (время, труд, финансы) в достижение общественно значимых целей.

Реализация мобилизационного потенциала при этом не является гомогенным процессом, поскольку в значительной степени определяется внутренней дифференциацией социума по разным основаниям. Для российского общества традиционно характерно сосуществование в нём двух устойчивых мировоззренческих полюсов, воспроизводящих с разной степенью интенсивности, в терминах А. С. Ахиезера, «социокультурный раскол», в котором ни одна из сторон не может окончательно вытеснить другую [15]. Исследования показывают, что в настоящее время идейные границы каждого из этих полюсов кристаллизировались вокруг отношения к национальному суверенитету и цивилизационной идентичности, а также перспектив обретения страной статуса великой державы [5]. Для одной группы россиян так называемый западный мир институционализировался как экзистенциальная угроза, что служит фундаментом для их консолидации. Другая часть населения, чьи мировоззренческие установки тяготеют к универсалистским ценностям, сталкивается с несоответствием личных представлений о векторе развития страны современным реалиям. Это побуждает её выбирать стратегию социального дистанцирования и переносить жизненные приоритеты в приватную сферу.

Россия в этом отношении не уникальна. Отмеченная мировоззренческая поляризация фиксируется во многих странах и выступает значимым маркером общества риска [16], которое характеризуется размыванием традиционных социальных институтов на фоне общего снижения уровня базовой безопасности граждан, по крайней мере с позиций их самооценок. Это формирует в подобных социумах запрос на поиск новых устойчивых идентичностей, способных минимизировать глобальные угрозы и снизить уровень социальной неопределённости. В результате этого поиска социальная дифференциация сдвигается из плоскости классовых интересов в поле борьбы за смыслы.

В западной социологии данный феномен описывается через концепцию культурных войн, в которых общество раскалывается на лагеря с принципиально разными мировоззренческими взглядами [17]. Подобная мировоззренческая сегментация (как, например, в США) приводит к тому, что оппонент воспринимается не просто как носитель другого мнения, а как источник угрозы самому существованию группы. Аналогичные социокультурные разломы, где конфронтация проходит по линии «глобализм против суверенитета», сегодня определяют облик общественно-политической жизни Чехии, Польши, Венгрии и ряда других стран [18].

Для более глубокого понимания механизмов адаптации социума в таких условиях применима концепция «параллельных реальностей» массового сознания [19]. Её суть заключается в сосуществовании фактологической (научной) и внефактологической (фольклорной или эмоциональной) реальностей, которые не пересекаются. В адаптации этой идеи к российскому контексту речь может идти о функциональном расщеплении массового сознания, когда в условиях длительной глобальной нестабильности и конфронтации макрополитическая сфера (государство, нация, суверенитет) и микросоциальное измерение (семья, быт, личное благополучие) начинают существовать как параллельные процессы. В таких условиях транслируемые государственные нарративы становятся для граждан своего рода «инструментарием для жизни», позволяющим сохранять психологическую устойчивость [20]. В рамках символического поля индивид может демонстрировать полную солидарность с государством, опираясь, к примеру, на коллективную память, а в прагматическом отношении его действия продиктованы стремлением сохранить автономность собственного микромира.

В этих условиях стабильность социума достигается путём формирования специфического баланса взглядов, в котором самобытное большинство обеспечивает легитимность выбранного страной курса, а гетерогенное и политически пассивное меньшинство стремится с минимальными потерями адаптироваться к меняющимся условиям жизни. Анализ этой поляризации имеет особое значение, поскольку позволяет оценить границы устойчивости общества в ситуации «социальной травмы» [21]. Геополитические вызовы дестабилизируют привычный жизненный мир россиян, требуя от них перехода к активным формам социального участия. Однако реакция на этот вызов в разных сегментах общества значимо отличается. Если для патриотического ядра он стал драйвером актуализации смыслов, то для сторонников западного вектора развития страны – источником дезориентации. Это в том числе подтверждается существующей идеологической сегментацией российского общества, которая в условиях конфронтации носит не только ценностный, но и структурный характер, при которой именно мировоззренческие установки становятся одним из ключевых предикторов готовности к действию [8].

В связи с этим вопрос о том, каким образом в подобных обществах активируются ресурсы для мобилизации в кризисных условиях, остаётся открытым.

Анализ показывает, что успех мобилизации зависит от целого ряда условий. Во-первых, значимым фактором выступает наличие объединяющей угрозы, которая способна временно нивелировать межгрупповое противостояние [22]. В политической науке данный феномен известен как эффект «сплочения вокруг флага», описанный Дж. Мюллером [11]. В российском контексте подобный всплеск солидарности часто носит декларативный характер и имеет тенденцию к затуханию по мере рутинизации конфликта и осознания гражданами личных издержек [5]. Это подтверждает тезис о том, что символическая консолидация не тождественна деятельной мобилизации и требует дополнительных механизмов конвертации идейного согласия в практическое участие.

Во-вторых, важным фактором становится логика поведения отдельного индивида в больших группах. Согласно М. Олсону, даже если граждане осознают общность своих интересов, они склонны к минимизации личных издержек, а не к открытой борьбе, поскольку вклад одного человека в масштабные политические изменения не влияет на конечный результат [23]. Вместо сопротивления рациональный индивид выбирает стратегию «безбилетника» и стремится дистанцироваться от социально-политических вопросов. Причём в тех обществах, где любые мировоззренческие различия между группами воспринимаются сквозь призму «мы – они» и подкрепляются высоким уровнем эмоциональной вовлечённости, мобилизация может замедляться, поскольку любые действия государства в такой ситуации могут восприниматься противоборствующими группами как продвижение интересов их идеологических противников [24].

В-третьих, успешность мобилизации во многом зависит от способности политической системы предложить такую модель патриотизма, которая не исключает граждан с непопулярными мировоззренческими взглядами, а объединяет их ради достижения общих социально значимых целей. Стремление реализовать патриотическую модель, ориентированную только на идеологически лояльных граждан, существенно снижает мобилизационные возможности социума. Большой потенциал для мобилизации имеет государственно-институциональная лояльность с признанием профессиональных компетенций гражданина и его реального участия в развитии страны вне зависимости от его мировоззренческих взглядов.

Исходя из обозначенных теоретических и эмпирических предпосылок, задача нашего исследования заключалась в обнаружении возможных расхождений между идеологической консолидацией общества, предполагающей объединение граждан вокруг общих идей и смыслов, и готовностью к деятельному участию, которое требует от них уже другого уровня вовлечённости. Это подразумевает поиск ответов на вопросы о том, насколько существующая мировоззренческая консолидация устойчива перед лицом личных издержек и где пролегает тот порог мобилизационной готовности, за которым идеи и смыслы уступают место стратегиям сохранения частного благополучия. Таким образом, если наличие экзистенциальной угрозы способно временно нивелировать мировоззренческие

разломы, то поиск «красных линий» позволяет очертить ту грань, за которой даже общенациональный вызов перестаёт быть драйвером мобилизации, сталкиваясь с приоритетом сохранения автономности приватного жизненного мира. Выявление этого баланса становится критически важным для сохранения внутренней устойчивости страны и реализации общенациональных целей в период долгосрочного геополитического противостояния.

Эмпирической базой исследования послужили данные многолетних общероссийских социологических опросов, проведённых Институтом социологии ФНИСЦ РАН и охвативших в совокупности более чем двадцатилетний период развития страны¹.

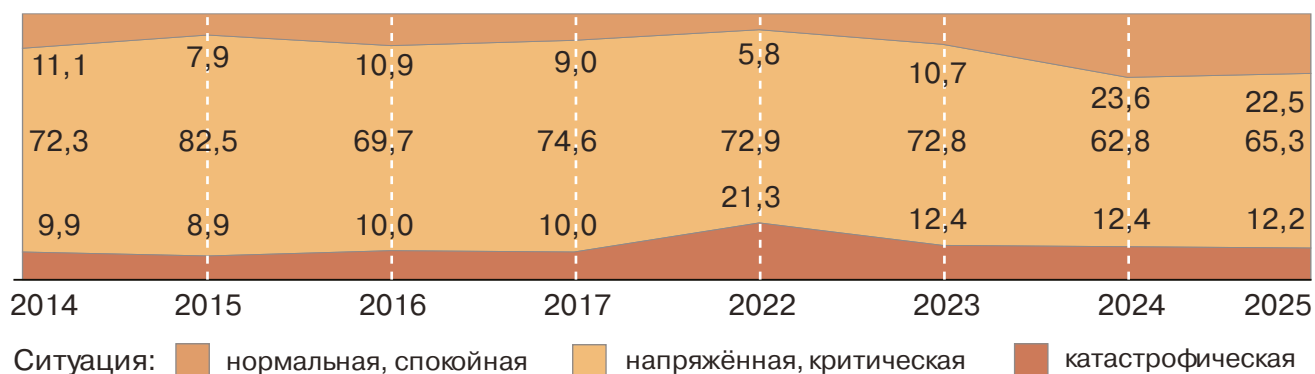
Результаты

Институционализация образа внешнего врага как основание для мировоззренческой консолидации

Анализ текущего состояния российского общества показывает, что в современной ситуации катализатором кристаллизации мировоззренческих полюсов становится институционализация образа «коллективного Запада» как экзистенциальной угрозы. Зафиксированные особенности трансформации массового сознания россиян за последние годы демонстрируют переход от первичной шоковой реакции на возникшие геополитические вызовы к институционализации новой реальности.

В частности, консолидация на этой почве перестала восприниматься как временная мобилизационная мера и трансформировалась в новую социальную норму. Мониторинговые опросы ИС ФНИСЦ РАН фиксируют, что в российском обществе произошла рутинизация конфронтации с Западом. Если в начале 2022 года значительная часть общества воспринимала происходящее как временную дестабилизацию, то к 2024 году в массовом сознании закрепилось представление о долгосрочном характере противостояния. На этом фоне большинство россиян характеризуют текущую международную обстановку как напряжённую, кризисную и отчасти катастрофическую (см. рис. 1).

¹ В статье использованы массивы данных Мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН за разные годы (объём выборки в разных волнах составлял от 2 000 до 4 000 респондентов), репрезентирующего взрослое население РФ по полу, возрасту, образованию, социально-профессиональному статусу и типу поселения. При анализе данных за более ранние периоды, охватывавшие в том числе этапы макроэкономической трансформации страны, использовались материалы тематических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН, выборка которых строилась с учётом репрезентации населения по территориально-экономическим районам. С более подробной информацией о методических особенностях этих опросов можно ознакомиться в серии монографий «Российское общество и вызовы времени», последняя из которых опубликована в 2025 году [25].

Рис. 1. Динамика оценок россиянами ситуации в мире, 2014–2025 гг., %¹

Однако наивысшего уровня тревожности за последнее десятилетие российское общество достигло в 2022 году, когда суммарная доля негативных оценок ситуации в мире составила 94,2%, а доля тех, кто считал её катастрофической, стала пиковой. За последние три года произошло не только глубокое осознание россиянами масштабных геополитических трансформаций, но и адаптация к вытекающим из этого следствиям. Несмотря на то, что тренд на тревожность и сейчас доминирует, доля тех, кто оценивает ситуацию как нормальную и спокойную, вдвое превышает аналогичный показатель 2014 года. Это свидетельствует о рутинизации восприятия внешних угроз в сознании россиян, что влечёт за собой и соответствующее снижение остроты эмоционального реагирования на эти вызовы, даже несмотря на их сохраняющуюся актуальность.

При этом высокий уровень тревожности не привёл к дезинтеграции социума. Напротив, в условиях снижения уровня безопасности внешнее давление стало фактором, минимизирующим внутреннюю неопределённость путём более явного оформления границ «свои – чужие». Как следствие, большинство россиян связывают основные риски для будущего страны именно с внешнеполитическим давлением, санкциями и попытками изоляции России (см. рис. 2).

Рис. 2. Динамика восприятия россиянами источников основных угроз для страны, 2011–2025 гг., %

¹ Здесь и ниже, если не оговорено иное, затруднившиеся с ответом на рисунках и в таблицах не представлены.

Так, показатель, отражающий преобладание внешних для страны рисков, несмотря на заметное снижение за последние три года, почти вдвое превышает уровень докризисного периода (36,6% в 2011 г. против 69,7% в 2025 г.), демонстрируя устойчивое доминирование в массовом сознании внешнего вектора угроз после 2014 года. В данном контексте институционализация образа врага выполняет важную терапевтическую функцию, переводя страх перед будущим в конкретную форму противостояния внешнему агрессору, что, к примеру, в логике Л. Козера выступает необходимым условием укрепления внутригруппового единства и демаркации жёстких границ по отношению к источнику угроз [22].

В связи с этим показательна динамика отношения российских граждан к ключевым акторам коллективного Запада. Данные демонстрируют серьёзное обрушение симпатий к США и странам Евросоюза до исторических минимумов (рис. 3).

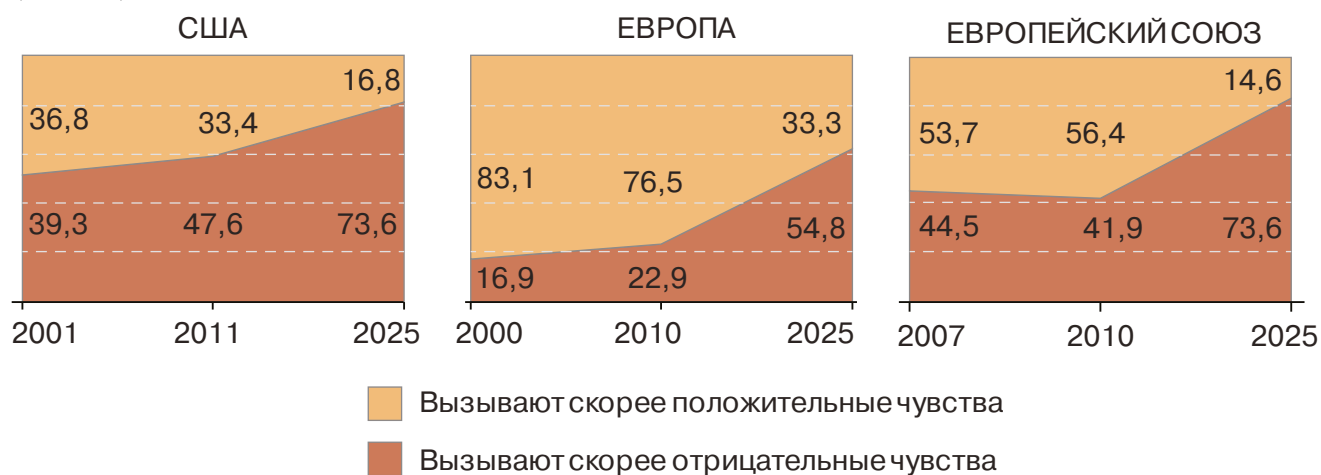

Рис. 3. Динамика отношения россиян к понятиям «США», «Европа» и «Европейский союз», 2000–2025 гг., %

Если в начале 2000-х гг. понятие «Европейский Союз» вызывало положительные чувства у более чем половины представителей массовых слоёв, то к 2025 году эта доля снизилась до 14,6%, тогда как доля испытывающих отрицательные чувства при упоминании ЕС и США достигла трёх четвертей населения. Даже в отношении Европы негативные чувства стали преобладающими, хотя треть россиян всё же пока сохраняет в этом вопросе положительный настрой.

Нужно подчеркнуть, что зафиксированный спад носит не конъюнктурный, а выраженный качественный характер. Запад утратил в глазах большинства россиян статус безусловного цивилизационного эталона. Для мировоззренческого ядра российского общества, демонстрирующего растущую гомогенность представлений, этот разрыв стал логичным завершением процесса полного отхода от западной модели развития. В то же время для условно прозападного полюса, охватывающего порядка четверти населения и сохраняющего высокую внутреннюю мировоззренческую гетерогенность, текущий этап характеризуется

пересмотром привычных ценностных ориентиров, в том числе на фоне введённых самими западными странами санкций, визовых ограничений, а также в целом культурной изоляции, провоцируя дальнейшее размывание идентичности этой группы в социально-политических вопросах [4].

Таким образом, на первом этапе кристаллизации новых смыслов произошло «цементирование» идейных позиций. Образ внешнего врага превратился в фундамент для консолидации большинства, обеспечив легитимность государственного курса на суверенитет. Наряду с этим прочность данного фундамента обусловлена не только институционализацией внешней угрозы, но и актуализацией внутреннего мировоззренческого единства в части поддержки выбранного цивилизационного пути. Рассмотрим это подробнее.

Цивилизационный выбор как фундамент мировоззренческой консолидации

Учитывая то, что обнаруженные тенденции устойчивы во времени и однонаправленны, образ внешнего противника в глазах россиян становится мощным консолидационным фактором, обеспечивая поддержку реализуемого курса развития страны. Большинство населения (74,3%) верит, что выбранный Россией путь даст в перспективе положительные результаты. Этот оптимизм подкрепляется стабильно высоким уровнем политической лояльности – 77,7% граждан считают, что нынешняя власть, при всех её недостатках, заслуживает поддержки.

Одним из ключевых маркеров специфики российского общественного сознания на данном этапе его трансформации является цивилизационный выбор россиян. Результаты мониторинговых исследований ИС ФНИСЦ РАН свидетельствуют об устойчивом доминировании в массовом сознании самобытного вектора развития России (77,6%). Доля тех, кто считает, что «Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны», сравнительно невелика (см. рис. 4).

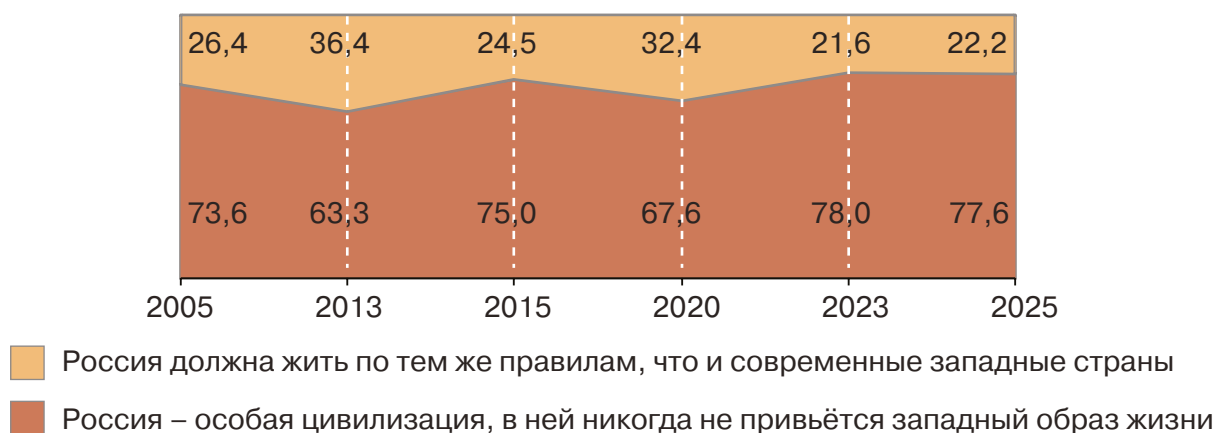

Рис. 4. Динамика представлений россиян о приоритетном векторе развития страны, 2005–2025 гг., %

Такой цивилизационный выбор россиян не является ситуативным. Хотя самобытный путь развития страны всегда имел высокую поддержку в обществе, доля сторонников западной модели развития демонстрировала в относительно спокойные периоды тенденцию к росту (достигнув пика в 2013 г.). Однако каждый новый виток конфронтации с Западом приводил к сокращению числа сторонников возможности использования западной модели развития для России. Своего пика (78,0%) доля сторонников российской самобытности достигла в 2023 году, через год после начала СВО. В этом отношении представленные тенденции свидетельствуют о завершении процессов коллективного самоопределения россиян, итогом которых стало оформление идентичности с опорой на ценность суверенного государства как главного гаранта развития сообщества.

Социально-демографические портреты групп с разным цивилизационным выбором в наибольшей степени различаются возрастом их членов. Среди россиян в возрасте от 50 лет и старше чаще встречаются сторонники самобытного вектора развития России (свыше 80%), а среди 18–30-летних – их оппоненты (28,1% при 22,2% в среднем по стране). Нужно отметить, что эта группа молодёжи не обязательно антигосударственно настроена, но является носителем иного типа нормативно-ценностных ожиданий относительно векторов развития страны [8]. Это само по себе создаёт риски мировоззренческих конфликтов – в зависимости от конкретного социально-политического контекста.

Цивилизационный выбор россиян тесно связан и с оптимистичным видением ими перспектив развития страны, а также с представлениями о локализации ключевых угроз для неё. Так, мировоззренческие установки сторонников самобытного пути развития России конвертируются в безусловную политическую лояльность (83,1% их считают, что нынешняя власть заслуживает поддержки) и веру в положительные результаты выбранного стратегического курса (82,0%). Причём эта часть россиян консолидирована на основе понимания ими масштабов внешней угрозы (74,9%), что ещё в большей степени закрепляет поддержку институтов власти как ключевых гарантов сохранения суверенитета.

Группа сторонников западной модели развития для России, напротив, неоднородна по своим взглядам. В отношении перспектив достижения успеха на избранном страной пути эта группа расколота практически пополам (49,1% представителей этой группы считают, что выбранный путь ведёт в тупик, а 47,1% видят ключевые угрозы внутри страны). Несмотря на это, 60,4% представителей данной группы выражают поддержку действующей власти. Этот факт указывает не на монолитное идейное единство, а на формирование широкого пассивного консенсуса, в рамки которого вовлекаются и мировоззренческие оппоненты государственного курса. Однако основания лояльности у этой группы принципиально иные и носят преимущественно адаптационный характер. В терминах М. Олсона, это стратегия избегания издержек, при которой декларативное согласие с государственным вектором развития выступает способом минимизации личных рисков, но не подразумевает готовности к деятельному участию [23].

Таким образом, зафиксированная консолидация большинства вокруг самобытного пути и институтов власти является мощным символическим ресурсом. Однако наличие значительной доли граждан с адаптивной лояльностью ставит вопрос о реальной силе этой консолидации. В связи с этим рассмотрим вопрос о том, где пролегают границы между декларативной поддержкой смыслов и практической готовностью граждан жертвовать личными интересами в пользу государственных.

Границы мобилизационной готовности: между декларативной консолидацией и прагматизмом частной жизни

Ситуация с мобилизационным потенциалом российского общества несколько иная и существенно отличается от картины мировоззренческого консенсуса, что видно в том числе по отношению россиян к СВО на Украине, которая сильно сказалась на их повседневной жизни. Свыше 80% граждан страны заявляют, что их жизнь в той или иной степени изменилась с началом спецоперации. Абсолютное большинство россиян (84,2%) интересуется ходом СВО и связанными с ней событиями (36,7% следят за её ходом постоянно, 47,5% – только за главными новостями). Среди проявляющих интерес преобладают сторонники самобытного вектора развития России. Не интересуется СВО меньшинство российского населения (15,8%), которое представлено преимущественно сторонниками западной модели развития (64,9%).

По-разному оценивают россияне и то, чем должна завершиться СВО. Более половины представителей массовых слоёв (52,1%) выступают за её продолжение вплоть до достижения всех поставленных целей. Однако данная точка зрения сильно зависит от представлений о локализации источников угроз для страны. Так, россияне с установкой на внешний их характер значимо чаще выступают за продолжение СВО «до победного конца» (58,2%). Напротив, те граждане, которые видят источник основных угроз внутри страны, чаще ориентированы на скорейшее её завершение и достижение договорённостей (62,0%). Это свидетельствует о том, что осознание серьёзности внешних угроз выступает важным идеологическим драйвером для формирования мобилизационных установок.

Уровень личной вовлечённости россиян в СВО выступает фундаментальной осью мировоззренческой консолидации. Ядро консолидированного большинства составляют граждане, воспринимающие происходящее как личный вызов («это и моя война» – 59,6%). Эта группа демонстрирует монолитное идейное единство, выражающееся в убеждённости в особой цивилизационной роли России (85,9%), безусловной поддержке власти (86,4%), вере в правильность стратегического курса страны (85,5%) и в доминировании представлений о внешнем векторе угроз (77,2%). Именно этот высокий уровень символического согласия создаёт фундамент для последующей деятельной мобилизации этой части российского общества. Другая часть россиян, для которой конфликт

остаётся внешним событием («это не моя война» – 39,7%), не формирует при этом активного антивоенного полюса. Эта группа скорее демонстрирует политический пессимизм и выбирает стратегию социального дистанцирования, стремясь защитить автономность своего жизненного мира от дестабилизирующих внешних шоков.

Вместе с этим проведённое исследование позволило зафиксировать некоторые различия в отношении тех издержек, с которыми столкнулись граждане с разным видением ключевых источников угроз для России (см. рис. 5).

Рис. 5. Социальные и экономические последствия СВО для россиян с разным видением источников основных угроз для страны, 2025 г., %

Если россияне, сфокусированные на внешних угрозах, сравнительно чаще принимают на себя прямые риски участия в конфликте (наличие воюющих родственников, волонтерство в разных его формах), то видение ключевых угроз внутри страны относительно чаще предопределяет упоминание социально-экономических трудностей, связанных с инфляцией, исчезновением ряда импортных товаров, разрушением внутрисемейных связей. Хотя о человеческих потерях и физических увечьях близких или своих собственных в равной степени упоминают представители обеих групп.

Таким образом, СВО стала фактором глубокой трансформации повседневности для всех слоёв общества, независимо от их мировоззренческих позиций. Сходство показателей по упоминанию человеческих потерь свидетельствует о наличии общего фундаментального предела, связанного с физической безопасностью. Однако качественное различие в восприятии издержек (прямые риски для жизни против социально-экономических трудностей) указывает на то, что мобилизационный потенциал ограничен разными факторами: для одних это вопрос физического выживания и ресурсного истощения, а для других – разрушение привычного материального и семейного уклада.

Важно отметить, что в массовом сознании россиян прочно укоренился тезис о неизбежности начала военных действий (66,7% убеждены, что иного пути урегулирования до февраля 2022 г. не было). Кроме того, большинство опрошенных (75,9%) разделяют тезис о ведении Западом целенаправленной информационной войны, ориентированной на подрыв традиционных ценностей и разобщение российского общества. В этом контексте более половины населения (56,2%) признают также существование в России групп лиц, действующих в интересах Запада. Причём с этим в одинаковой степени согласны россияне с разными мнениями об основных источниках угроз для страны¹. Иными словами, представления о внутреннем враге не строго соотносятся с восприятием источника основных угроз, которое, как было показано выше, тесно коррелирует с цивилизационными установками россиян. Данное обстоятельство указывает на то, что за внешним единством мнений скрывается принципиально разная интерпретация природы внутренних вызовов. Эта гипотеза подтверждается выявленной в ходе исследования дифференциацией в оценке наиболее острых социальных противоречий.

Так, убеждённость в том, что основные вызовы для России сосредоточены на внешнем контуре, зачастую сопряжена с представлением об отсутствии в стране острых внутренних конфликтов. Среди сторонников этой позиции 19,7% полагают, что значимых противоречий в стране нет, тогда как среди видящих угрозы внутри страны таких лишь 9,2%. Напротив, фокусировка на внутренних угрозах коррелирует с более острой фиксацией структурных разломов. Респонденты, акцентирующие внимание на внутрироссийских проблемах, значительно чаще

¹ В частности, среди тех, кто основные источники угроз для страны видит на внешнем контуре, 55,7% согласны с тезисом о наличии в России групп людей, действующих в интересах Запада, а в группе россиян, ставящих в приоритет внутренние угрозы, также свыше половины её состава поддерживают мнение о наличии «внутреннего врага» (57,2%).

указывают на наличие конфликта между властью и народом (32,4% против 22,3% среди сторонников мнения о приоритете внешних угроз), а также между чиновниками и гражданами (24,2% против 18,2% соответственно). Более того, в группах с разной локализацией основных вызовов и угроз существенно различается восприятие территориальных и этносоциальных различий. Представители сегмента, ориентированного на поиск внутренних угроз, чаще фиксируют напряжённость в отношениях между Москвой и провинцией (24,4% против 17,2% в группе внешнеориентированных респондентов), а также между русскими и нерусскими (31,3% против 22,4% соответственно). Подобная дифференциация подчёркивает, что выбор вектора консолидации (против внешних угроз или для решения внутренних проблем) во многом предопределяет видение социальной реальности и оценку устойчивости сложившихся в обществе институциональных связей.

Таким образом, проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что границы мобилизационной готовности современного российского общества определяются не столько уровнем идейного согласия, хотя и оно в этом смысле немаловажно, сколько глубиной интеграции тех или иных системных вызовов в структуру повседневности индивида. Несмотря на высокий уровень декларативной консолидации вокруг тезисов о неизбежности конфликта и наличии внешних угроз, реальный мобилизационный потенциал демонстрирует существенную сегментацию. Его фактический предел пролегает в точке столкновения макрополитических целей государства с потребностями граждан в сохранении автономности и целостности своего жизненного мира.

Для консолидированного ядра россиян мобилизация выступает актом личной сопричастности, базирующимся на восприятии экзистенциального характера внешних угроз. Однако даже в этом сегменте готовность к действию ограничивается ресурсами физического выживания и пределом материального истощения. В то же время для значительного числа россиян характерно сосуществование отмеченных выше «параллельных реальностей», когда символическое и идейное единство сочетается с прагматикой частного жизненного мира. В этом случае гранью мобилизации становится стремление индивида минимизировать личные издержки (от социально-экономических потерь до разрушения привычных семейных связей). Следовательно, устойчивость выявленного мировоззренческого консенсуса во многом зависит от способности социальных институтов сглаживать противоречия между внешнеполитическими задачами и микросоциальными интересами граждан.

Информационный контроль и экономическая безопасность как риски устойчивости общественной консолидации

Если мировоззренческий консенсус создаёт символическую базу поддержки курса государства, то информационный контроль и экономическая безопасность во многом определяют его устойчивость. Высокий уровень подозрительности среди населения в отношении внутреннего врага заставляет его

пропускать любые мобилизационные призывы через двойной фильтр доверия. Это заставляет соотносить интересы государства со своими потребностями в части защиты своего частного пространства. Рассмотрим в этой связи готовность россиян к издержкам – на примере их отношения к возможным цифровым и экономическим ограничениям.

Как показало исследование, мнения россиян относительно возможных защитных мер в информационной сфере достаточно дифференцированы (табл. 1).

Таблица 1

Готовность россиян к ограничениям в информационной сфере в зависимости от оценки ими источников основных угроз для России, 2025 г., %¹

Ограничительные меры	Основные угрозы для России исходят из-за рубежа	Основные угрозы для России находятся внутри страны	Согласны с тем, что в России есть много людей, которые действуют в интересах Запада	Не согласны с тем, что в России есть много людей, которые действуют в интересах Запада	Всего по массиву
Введение цензуры для защиты общества от вредного контента	45,3	35,8	45,9	37,6	42,5
Отключение на время интернета в отдельных регионах	31,5	21,9	33,7	21,9	28,6
Контроль содержания обсуждений в публичных каналах и группах в соцсетях или мессенджерах	30,6	21,9	31,2	23,8	28,0
Контроль запросов пользователей поисковых порталов (Яндекс, Google, Рамблер и др.)	25,9	17,9	24,7	22,4	23,7
Замедление или блокировка потенциально опасных информационных интернет-ресурсов, соцсетей и мессенджеров (Whatsapp, Telegram и т. д.)	24,2	15,6	23,2	19,8	21,6
Отключение на время сотовой связи в отдельных регионах	17,1	15,4	19,4	12,7	16,5
Запрет VPN и других способов обхода ограничений доступа к различным интернет-ресурсам и санкции за их использование	17,2	10,2	18,0	11,5	15,2

¹ Серым фоном в таблице отмечены показатели, которые свидетельствуют о сравнительно меньшей популярности указанных мер в сравнении со среднероссийской их упоминаемостью, красным фоном – показатели, которые превышают среднероссийские более чем на величину статистической погрешности в 5%.

Окончание табл. 1

Ограничительные меры	Основные угрозы для России исходят из-за рубежа	Основные угрозы для России находятся внутри страны	Согласны с тем, что в России есть много людей, которые действуют в интересах Запада	Не согласны с тем, что в России есть много людей, которые действуют в интересах Запада	Всего по массиву
Контроль личной переписки в сервисах обмена сообщениями и социальных сетях	14,0	10,0	15,0	9,9	12,8
Любые ограничения в информационной сфере недопустимы	27,2	47,3	31,0	36,4	33,2

В целом только треть населения придерживается мнения о недопустимости каких-либо ограничений в информационной сфере, а другая и наиболее массовая часть общества демонстрирует высокую толерантность к условно внешним мерам (например, цензуре публичного пространства), но стремится сохранить личное информационно-цифровое пространство. Предел допустимого контроля в информационной сфере в этом смысле проходит по границе частной жизни, и попытки её пересечения могут стать триггером для перехода от лояльности к стратегии активного избегания контроля.

Кроме того, уровень поддержки ограничений различается у россиян с разным видением источника основных угроз для страны и различным отношением к тезису о наличии условного внутреннего врага. Так, среди убеждённых в приоритетности внешних угроз наблюдается сравнительно высокая толерантность к предложенным мерам государственного контроля, в особенности к введению цензуры и локальным ограничениям работы сети интернет. В целом же уровень поддержки возможных ограничений в этой группе, как и среди тех, кто согласен с мнением о наличии в стране людей, действующих в интересах Запада, существенно не отличается от общероссийского. Ключевые различия зафиксированы в группах россиян, считающих, что основные угрозы сосредоточены внутри страны, и не согласных с тем, что в стране есть группы, действующие в интересах коллективного Запада. В частности, среди убеждённых в приоритете внутренних рисков значимо шире распространено неприятие любых запретов (47,3% против 27,2% убеждённых в приоритете внешних рисков). В остальном в обеих группах большая часть рассматриваемых ограничений поддерживается существенно реже, чем в целом среди россиян. Таким образом, хотя российское общество демонстрирует готовность адаптироваться к возможным ограничительным мерам в информационно-цифровой сфере, предел допустимых ограничений проходит по границе цифровой автономии индивида. Готовность перейти эту границу сравнительно выше у той части общества, которая максимально

консолидирована против внешнего врага, впрочем, это касается далеко не всех предложенных мер.

Допустимость для многих россиян ужесточения мер контроля со стороны государства в условиях усиления информационной войны согласуется с неприятием большинством представителей массовых слоёв населения явлений в сфере публичного пространства, подобных «голым вечеринкам» или пропагандирующим жестокость роликам в соцсетях. Половина россиян (50,6%) настаивает на жёсткой законодательной оценке подобных явлений, нарушающих общепринятые этические нормы. При этом респонденты, убеждённые в доминировании внешних угроз для страны, сравнительно чаще выступают за более серьёзные наказания за такого рода активность (54,7%). В свою очередь, опрошенные, сфокусированные на внутренних угрозах, придерживаются этой позиции реже (41,2%) и вдвое чаще своих оппонентов полагают, что особого вреда от таких явлений нет (12,5% против 6,9% соответственно).

Таким образом, группы с очень разным видением источников угроз демонстрируют схожие показатели поддержки мер государственного контроля. Однако природа этого согласия весьма неоднородна. Если для сторонников версии о внешнем давлении цензура и этические ограничения выступают инструментом мировоззренческой консолидации, то для их оппонентов это скорее способ сохранения стабильного жизненного мира в условиях неопределённости. В данном контексте единство общества базируется не на идейной согласованности, а на признании комплексного характера вызовов. Такая модель сохраняет свою устойчивость лишь до того момента, пока государственная политика не пересекает порог неприемлемых на индивидуальном уровне издержек.

Этот тезис хорошо дополняют данные о готовности россиян к «мягким» экономическим ограничениям, связанным с отрывом от Запада. Значительная часть российского населения готова отказаться от пользования некоторыми социальными сетями (45,6%), от туристических и деловых поездок в недружественные страны (40,7%), а также от хранения денег в иностранной валюте (36,8%), причём такая толерантность выше у той части общества, которая идеологически консолидирована против внешней угрозы. Так, сторонники мнения о внешнем источнике угроз в полтора раза чаще своих оппонентов готовы отказаться от зарубежных поездок (45,0% против 30,3% сторонников мнения о внутреннем источнике угроз). В то же время населением отвергаются те ограничения, которые затрагивают базовую экономическую безопасность или связаны с тотальным цифровым контролем. Фундаментальными «красными линиями» мобилизации для граждан страны являются вопросы экономических рисков – 74,6% не готовы согласиться с повышением налогов, а 70,7% – пойти на то, чтобы оказаться без работы. Болезненны для россиян и цифровые ограничения – 71,4% граждан в любом случае не готовы отказаться от пользования интернетом.

Таким образом, порог мобилизационного потенциала современного российского общества определяется балансом между идеологической солидарностью

и защитой автономии жизненного мира индивида. Мобилизация ресурсов остаётся эффективной лишь до тех пор, пока она не разрушает базу материального благополучия и общей цифровой включённости, которые для современного человека являются неотъемлемыми условиями его существования. Зафиксированный разрыв между высокой поддержкой государственного курса и реальной готовностью нести личные издержки указывает на ограниченность механизмов конвертации символического согласия в практическую вовлечённость. В этих условиях формируется специфический феномен адаптивной лояльности. То есть реальные границы деятельностного участия пролегают не по линии идеологических разногласий, а в точке столкновения макрополитических целей государства с микроэкономическими интересами и безопасностью семьи, которая становится для россиян зоной безусловного приоритета.

Заключение

Проведённое исследование позволяет концептуализировать феномен российской сплочённости не как результат идеологической унификации, а как динамический процесс удержания баланса между поддержкой государственного курса и сохранением устойчивости жизненного мира индивида. Фиксация условных разрывов между символической консолидацией и готовностью к мобилизационному участию в условиях растущих внешних угроз позволила выявить фундаментальную закономерность трансформации общественного сознания. Она заключается в формировании в российском обществе двухуровневой модели общественного консенсуса. На макроуровне данная модель находит выражение в институционализации образа коллективного Запада как экзистенциальной угрозы, обеспечившей объединение большей части населения вокруг ценностей суверенитета и цивилизационной самобытности. Подобная трансформация способствовала оформлению монолитного мировоззренческого ядра, для которого геополитический вызов обрёл характер личной сопричастности, став ключевым драйвером сплочения вокруг институтов власти.

На микроуровне зафиксировано расхождение между идейной поддержкой и готовностью к практическому действию, обусловленное функционированием сознания значительной части общества по принципу «параллельных реальностей». В рамках данной модели макрополитическая сфера и сфера частной жизни индивида существуют как автономные пространства. Это позволяет значительной части общества выбирать стратегию социального дистанцирования при символической поддержке выбранного страной пути.

Обнаруженные в ходе исследования «красные линии» очерчивают ту грань, за которой общенациональный вызов перестаёт быть драйвером мобилизации и вступает в конфликт с требованиями базовой безопасности. Граница гражданского участия пролегает в точке столкновения интересов государства с материальным благополучием семьи и цифровой автономией личности. Существенное возрастание социальных издержек в данных сферах ведёт к тому,

что идеологические аргументы утрачивают свою силу, уступая место прагматическим стратегиям минимизации личных потерь. В этой точке идейная консолидация рискует смениться социальной апатией или ростом скрытого недовольства, что подтверждает тезис о том, что устойчивость современного консенсуса определяется не столько глубиной идейного единообразия, сколько ресурсами адаптации граждан к изменениям их привычного уклада жизни.

Таким образом, устойчивость современного общественного консенсуса в условиях затяжной геополитической и социокультурной конфронтации определяется способностью институтов гарантировать сохранение привычных границ частной жизни, что превращает внутреннюю неоднородность общества из фактора риска в функциональный фундамент социальной стабильности государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Горшков М. К., Петухов В. В. Внешнеполитические ориентации россиян на новом переломе // Полис. Политические исследования. 2015. № 2. С. 10–34. DOI [10.17976/jpps/2015.02.02](https://doi.org/10.17976/jpps/2015.02.02). EDN [TUHDVT](https://www.edn.ru/TUHDVT).
2. Сушко П. Е. Представления россиян о путях развития России: распространенность и специфика // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 25–37. DOI [10.31857/S013216250021403-6](https://doi.org/10.31857/S013216250021403-6). EDN [TYQXBF](https://www.edn.ru/TYQXBF).
3. Тихонова Н. Е. Специфика мировоззрения сторонников западного пути развития для России в массовых слоях населения // Мир России. Социология, Этнология. 2023. Т. 32, № 4. С. 6–35. DOI [10.17323/1811-038X-2023-32-4-6-35](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-4-6-35). EDN [NQSIPT](https://www.edn.ru/NQSIPT).
4. Сушко П. Е. Динамика представлений россиян о цивилизационном векторе развития страны (опыт эмпирического анализа) // Социологические исследования. 2024. № 11. С. 34–47. DOI [10.31857/S0132162524110033](https://doi.org/10.31857/S0132162524110033). EDN [LDQMER](https://www.edn.ru/LDQMER).
5. Петухов В. В. Идеино-политические предпочтения россиян: смена дискурса // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8, № 4 (32), С. 25–43. DOI [10.19181/snsp.2020.8.4.7654](https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.4.7654). EDN [IPANPL](https://www.edn.ru/IPANPL).
6. Андреев А. Л. Риски и угрозы в восприятии российского общества // Философия хозяйства. 2021. № 1 (133). С. 111–123. EDN [HOFVGF](https://www.edn.ru/HOFVGF).
7. Латов Ю. В. Динамика массового сознания россиян: экстраординарная ситуация или начало нового цикла? // Полис. Политические исследования. 2023. № 6, С. 161–179. DOI [10.17976/jpps/2023.06.12](https://doi.org/10.17976/jpps/2023.06.12). EDN [QFXDBY](https://www.edn.ru/QFXDBY).
8. Тихонова Н. Е. Идеологическая сегментация массовых слоёв населения в условиях обострения конфронтации с Западом (опыт эмпирического анализа) // Полис. Политические исследования. 2024. № 5. С. 136–153. DOI [10.17976/jpps/2024.05.09](https://doi.org/10.17976/jpps/2024.05.09). EDN [ICDAIE](https://www.edn.ru/ICDAIE).
9. Ericksen S. C. A Skeptical Note on the Use of Attitude Scales Toward War: III. In 1946 // The Journal of Social Psychology. 1948. Vol. 27, № 1. P. 79–90. DOI [10.1080/00224545.1948.9918913](https://doi.org/10.1080/00224545.1948.9918913).
10. Dupuis E. C., Cohn E. S. A New Scale to Measure War Attitudes: Construction and Predictors // Journal of Psychological Arts and Sciences. 2011. URL: https://scholars.unh.edu/psych_facpub/14/ (дата обращения: 07.05.2026).
11. Mueller J. E. War, Presidents, and Public Opinion. New York : John Wiley & Sons Inc, 1973. 326 p.

12. Gartner S. S., Segura G. M. War, Casualties, and Public Opinion // Journal of Conflict Resolution. 1998. Vol. 42, № 3. P. 278–300.
13. Неврюев А. Н. Разработка опросника для изучения аттитюдов к войне как к способу разрешения международных конфликтов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 15, № 3. С. 464–476. DOI [10.17323/1813-8918-2018-3-464-476](https://doi.org/10.17323/1813-8918-2018-3-464-476). EDN [ZAKNOP](#).
14. Тилли Ч. От мобилизации к революции / Ч. Тилли ; пер. с англ. Д. Карасева ; под науч. ред. С. Моисеева. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 428 с. ISBN 978-5-7598-1527-3.
15. Ахизер А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). М. : Новый хронограф, 2008. 934 с. ISBN 978-5-94881-030-0. EDN [QPHSZD](#).
16. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек ; пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 384 с. ISBN 5-89826-059-5. EDN [RAYTKJ](#).
17. Hunter J. D. Culture Wars: The Struggle to Define America. New York : Basic Books, 1991. 416 p. ISBN 978-0-465-01533-7.
18. Vachudova M. A. Ethnopolitism and Democratic Backsliding in Central Europe // East European Politics. 2020. Vol. 36, № 3. P. 318–340. DOI [10.1080/21599165.2020.1787163](https://doi.org/10.1080/21599165.2020.1787163). EDN [UTLHWV](#).
19. Wright-Maley C. Time, Temporality, and Entanglement in the Face of Parallel Realities // Journal of Folklore and Education. 2022. Vol. 9. P. 8–24.
20. Wertsch J. V. How Nations Remember: A Narrative Approach. Oxford : Oxford University Press, 2021. 271 p. DOI [10.1093/oso/9780197551462.001.0001](https://doi.org/10.1093/oso/9780197551462.001.0001).
21. Тощенко Ж. Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М. : Весь Мир, 2020. 352 с. ISBN 978-5-7777-0801-4. EDN [QLXXDD](#).
22. Козер Л. Функции социального конфликта / Л. Козер ; пер. с англ. О. Назаровой ; под общ. ред. Л. Г. Ионина. М. : Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 205 с. ISBN 5-7333-0015-9.
23. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп / М. Олсон ; пер. с англ. Е. Окороченко ; под ред. Ю. Парамонова ; науч. ред. Р. М. Нуреев. М. : Фонд экономической инициативы, 1995. 174 с. ISBN 5-201-03380-6.
24. Druckman J. N., Levendusky M. S. What Do We Measure When We Measure Affective Polarization? // Public Opinion Quarterly. 2019. Vol. 83, № 1. P. 114–122. DOI [10.1093/poq/nfz003](https://doi.org/10.1093/poq/nfz003).
25. Российское общество и вызовы времени. Кн. восьмая / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, А. Л. Андреев [и др.] ; под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М. : Весь Мир, 2025. 352 с. ISBN 978-5-7777-0969-1. EDN [SKXDAR](#).

Сведения об авторе

П. Е. Сушко

кандидат социологических наук
ведущий научный сотрудник
SPIN-код: [5574-6340](#)

Статья поступила в редакцию 17.03.2026; одобрена после рецензирования 20.04.2026; принята к публикации 14.07.2026.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2026.14.3.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2026.14.3.3)

CONSOLIDATION AND MOBILIZATION POTENTIALS OF RUSSIAN SOCIETY UNDER GEOPOLITICAL CHALLENGES

Pavel Evgen'evich' Sushko

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia

sushkope@mail.ru,

ORCID [0000-0003-0245-7015](https://orcid.org/0000-0003-0245-7015)

For citation: Sushko P. E. Consolidation and mobilization potentials of Russian society under geopolitical challenges. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2026;14(3):37–60. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2026.14.3.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2026.14.3.3).

Abstract. The article, based on monitoring data from the Institute of Sociology of FCTAS RAS, analyzes the phenomenon of Russian cohesion, conceptualized as a dynamic system of social equilibrium between macro-political consolidation and the autonomy of the private lifeworld. The study identifies specific transformations in the mass consciousness of Russians under large-scale geopolitical challenges, manifested in a two-tier model of support for the country's current development course. At the macro-level, the research records a worldview consolidation among mass strata of the Russian population, fueled by the institutionalization of the “collective West” as an existential threat, and centered on the values of sovereignty and civilizational identity. At the micro-level, however, a discrepancy is revealed between ideological unity and the practical readiness of Russians to reorient their efforts toward achieving collective goals. This gap is explained by the functioning of mass consciousness under conditions of prolonged confrontation and general external instability according to the principle of “parallel realities”, where the foreign policy agenda and everyday interests exist as segregated spaces. In such conditions, an individual may demonstrate symbolic and ideological solidarity with society and the state, while their pragmatic actions remain dictated by the desire to preserve the autonomy of their own microworld. Special attention is paid to identifying the “red lines” that delineate the mobilization potential of Russian society. It is shown that the threshold of readiness for active civic participation lies at the intersection of personal security, the material stability of the family, and the individual's digital autonomy. The study substantiates that in a situation of long-term confrontation, the stability of the social consensus between society and the state depends on the ability of social institutions to maintain a balance between mobilization tasks and the preservation of citizens' habitual way of life. At the same time, internal worldview heterogeneity – characteristic of one-third to one-fifth of the Russian population in various years – is viewed not as a risk factor, but as a functional mechanism of social distancing that ensures system stability by safeguarding the private sphere.

Keywords: social consolidation, mobilization potential, civic identity, civilizational choice, public consciousness, Russians' worldview, public consensus, social cohesion

Acknowledgements: work on this paper was supported by Russian Science Foundation, project No. 25-18-01067.

REFERENCES

1. Gorshkov M. K., Petukhov V. V. Foreign policy orientations of the Russians: a new turn. *Polis. Political Studies=Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2015;(2):10–34. (In Russ.). DOI [10.17976/jpps/2015.02.02](https://doi.org/10.17976/jpps/2015.02.02).
2. Sushko P. E. Russians' ideas about possible ways of Russia's development: prevalence and specificity. *Sociological Studies=Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022;(11):25–37. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250021403-6](https://doi.org/10.31857/S013216250021403-6).
3. Tikhonova N. E. The worldview of supporters of the western path of development for Russia among the general population. *Universe of Russia=Mir Rossii*. 2023;32(4):6–35. (In Russ.). DOI [10.17323/1811-038X-2023-32-4-6-35](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-4-6-35).
4. Sushko P. E. Dynamics of Russians' ideas about the civilizational vector of the country's development (an empirical analysis). *Sociological Studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2024;(11):34–47. (In Russ.). DOI [10.31857/S0132162524110033](https://doi.org/10.31857/S0132162524110033).
5. Petukhov V. V. Ideological and political preferences of the Russians: changing of the discourse. *Sociological Science and Social Practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2020;8(4):25–43. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2020.8.4.7654](https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.4.7654).
6. Andreev A. L. Risks and threats in the perception of Russian society. *Philosophy of Economy=Filosofiya hozyajstva*. 2021;(1):111–123. (In Russ.).
7. Latov Yu. V. Dynamics of mass consciousness of Russians: extraordinary situation or beginning of a new cycle? *Polis. Political Studies=Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2023;(6):161–179. (In Russ.). DOI [10.17976/jpps/2023.06.12](https://doi.org/10.17976/jpps/2023.06.12).
8. Tikhonova N. E. Ideological segmentation of mass strata of the population under conditions of aggravated confrontation with the West (empirical analysis). *Polis. Political Studies=Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2024;(5):136–153. (In Russ.). DOI [10.17976/jpps/2024.05.09](https://doi.org/10.17976/jpps/2024.05.09).
9. Ericksen S. C. A Skeptical note on the use of attitude scales toward war: III. In 1946. *The Journal of Social Psychology*. 1948;27(1):79–90. DOI [10.1080/00224545.1948.9918913](https://doi.org/10.1080/00224545.1948.9918913).
10. Dupuis E. C., Cohn E. S. A New scale to measure war attitudes: construction and predictors. *Journal of Psychological Arts and Sciences*. 2011. URL: https://scholars.unh.edu/psych_facpub/14/ (accessed: 07.05.2026).
11. Mueller J. E. War, presidents, and public opinion. New York: John Wiley & Sons Inc; 1973. 326 p.
12. Gartner S. S., Segura G. M. War, casualties, and public opinion. *Journal of Conflict Resolution*. 1998;42(3):278–300.
13. Nevrujev A. N. Development of a questionnaire to measure attitude to war as a means of solving international conflicts. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics=Psikhologiya. Zhurnal Vysshey Shkoly Ekonomiki*. 2018;15(3):464–476. (In Russ.). DOI [10.17323/1813-8918-2018-3-464-476](https://doi.org/10.17323/1813-8918-2018-3-464-476).
14. Tilly Ch. From mobilization to revolution. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly e'konomiki; 2019. 428 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7598-1527-3.
15. Akhiezer A. S. Russia: criticism of historical experience (socio-cultural dynamics of Russia) [Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (sotsiokul'turnaya dinamika Rossii)]. Moscow: Novyj hronograf; 2008. 934 p. (In Russ.). ISBN 978-5-94881-030-0.
16. Beck U. Risk society. Towards a new modernity [Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu]. Moscow: Progress-Tradiciya; 2000. 384 p. (In Russ.). ISBN 5-89826-059-5.
17. Hunter J. D. Culture wars: the struggle to define America. New York: Basic Books; 1991. 416 p. ISBN 978-0-465-01533-7.
18. Vachudova M. A. Ethnopolitism and democratic backsliding in Central Europe. *East European Politics*. 2020;36(3):318–340. DOI [10.1080/21599165.2020.1787163](https://doi.org/10.1080/21599165.2020.1787163).

19. Wright-Maley C. Time, temporality and entanglement in the face of parallel realities. *Journal of Folklore and Education*. 2022;(9):8–24.
20. Wertsch J. V. How nations remember: a narrative approach. Oxford: Oxford University Press; 2021. 271 p. DOI [10.1093/oso/9780197551462.001.0001](https://doi.org/10.1093/oso/9780197551462.001.0001).
21. Toshchenko Zh. T. Trauma society: between evolution and revolution (experience of theoretical and empirical analysis). Moscow: Ves' Mir; 2020. 352 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0801-4.
22. Coser L. The functions of social conflict [Funkcii social'nogo konflikta]. Moscow: Ideya-Press, Dom intellektual'noj knigi; 2000. 205 p. (In Russ.). ISBN 5-7333-0015-9.
23. Olson M. The logic of collective action: public goods and the theory of groups [Logika kollektivnyh deystvij. Obshchestvennye blaga i teoriya grupp]. Moscow: Fond ekonomicheskoy iniciativy; 1995. 174 p. (In Russ.). ISBN 5-201-03380-6.
24. Druckman J. N., Levendusky M. S. What do we measure when we measure affective polarization? *Public Opinion Quarterly*. 2019;83(1):114–122. DOI [10.1093/poq/nfz003](https://doi.org/10.1093/poq/nfz003).
25. Gorshkov M. K., Tikhonova N. E., eds. Russian society and challenges of the time. Book Eight. Moscow: Ves' Mir; 2025. 352 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0969-1.

Information about the Author

P. E. Sushko

Candidate of Sociology

Leading Researcher

ResearcherID: [L-2288-2015](https://orcid.org/0000-0001-9152-2288)

Scopus AuthorID: [57195625722](https://orcid.org/0000-0001-9152-2288)

The article was submitted 17.03.2026; approved after reviewing 20.04.2026; accepted for publication 14.07.2026.